

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)51
DOI 10.34680/Caurus-2024-3(4)-65-74

М. М. Сафонов

ХРИСТИАН АВГУСТ БРОКДОРФ VS ЕКАТЕРИНА II

«Есть на свете человек длинный, с ногами как будто из дерева, с головой подобной той, на которой прилаживаются ваши парики, более глупый, чем еще уродливый, а это много значит; чин бригадира ему служит к тому, что он носит красный мундир, так как он не имеет на что купить другие (одежды) без помощи господ Шуваловых. Эта фигура, едва ли человеческая, называется Брокдорф, благороднейший дворянин из удивительной и прекрасной страны Голштинии, которой он один из первых тузов; знаете ли вы его?» — писала великая княгиня Екатерина Алексеевна английскому послу Ч. Уильямсу весной 1757 г. [Екатерина II, 1909, с. 334–335]. «...“Баба-птица” — это было его прозвище; птица эта была самая отвратительная, какую только знали, и как человек Брокдорф был точно так же омерзителен своей внешностью, как и внутренними качествами, — писала Екатерина в мемуарах. — Он был высок, с длинной шеей и тупую плоской головой: при том он был рыжий и носил парик на проволоке; глаза у него были маленькие и впалые. Почти без ресниц и без бровей; углы рта спускались к подбородку, что придавало ему всегда жалобный и недовольный вид» [Екатерина II, 1989, с. 397]. Мемуаристка в выражениях не стеснялась. Она называла Брокдорфа «очень ограниченным и упрямым болваном», «чурбаном», «чумой» [Екатерина II, 1989, с. 293, 396]. «...Ничтожество, на которое очертание его рта указывало сразу, было запечатлено на всей его особе», «...глупость и вздорный нрав этого лица» — набор эпитетов, которыми великая княгиня наградила этого нелюдя [Екатерина II, 1989, с. 633]. «Чтобы закончить изображение сердца Брок [дорфа], я прибавлю, — писала Екатерина, — что слышала, как он утверждал за столом при всех: *чтобы сделать армию более деятельной, надо убивать всех раненных*, и когда великий князь возразил против такой жестокости, тот ему сослался на авторитет шведов, которые всегда так делали» [Екатерина II, 1989, с. 636]. Это уже уродство моральное.

Сам же представитель пернатых, «Баба-птица» относил Екатерину к пресмыкающимся и, говоря о ней, пользовался выражением: «*Надо раздавить змею*». Когда «змея» воцарилась, она приказала немедленно выслать «Бабу-птицу» из России. Брокдорф оказался единственным лицом, которого коснулось своеобразное «мщение» Екатерины-царицы [Чечулин, 1924, с. 110]. Понятно, «эта фигура, едва ли человеческая», была удалена вовсе не за «омерзительную» внешность и не за глупость, даже превосходившую, по словам Екатерины, его уродливость. За что же мстила гуманная императрица рыжему голштинцу?

Хотя в письме к Уильямсу Екатерина утверждала, что Брокдорф «не стоит чтоб о нем писали и 15 строчек», но в своих мемуарах, созданных в первой половине 1790-х гг., она уделила этому «уроду» не менее 15 страниц. Более того, за два года

до своего воцарения великая княгиня составила даже отдельную записку о Брокдорфе — «Анекдот». В этой записке в выражениях она не стеснялась [Екатерина II, 1989, с. 633–637]. Количество желчи и негатива, которое язвительное перо мемуаристки излило на этого персонажа, должно было бы, если не озадачить исследователей, то, по крайней мере, привлечь пристальное внимание к тому, кто призывал убить «змею», и попытаться разобраться в причинах их конфликта. Нет сомнения, что Брокдорф — самый отвратительный как внешне, так и внутренне персонаж «Записок» Екатерины II. В этом плане даже Петр III не может составить ему конкуренцию. Однако даже в книге В. А. Бильбасова, остающейся и по сей день наиболее полным собранием биографических сведений о великой княгине, Брокдорф упоминается всего три раза. Биограф Екатерины повторил ее язвительные насмешки и не попытался разобраться, что же в действительности происходило между этими людьми [Бильбасов, 1900а, с. 302, 316–317]. Никто из ученых не задумался о том, что гипертрофированные филиппики по адресу Брокдорфа в действительности характеризуют не столько голштинца, сколько саму мемуаристку и заставляют поставить вопрос о том, что именно скрывалось за этим негативом.

Согласно «Запискам», конфликт Екатерины с шуваловским кланом происходил оттого, что Шуваловы ее притесняли, а она выражала им свое презрение и держалась «скорее как глава очень большой партии, нежели как человек униженный и угнетенный». Брокдорф как камергер великого князя имел прямой доступ к Петру Федоровичу, великий князь же «был милостиво расположен ко всякому болвану» из Голштинии. Сойдясь с П. И. Шуваловым благодаря «девкам», Брокдорф в интересах шуваловского клана настраивал Петра против жены. Дело дошло до того, что в конце зимы 1755 г. между супругами произошла скандальная сцена. Петр намеривался «образумить» жену и даже впервые в жизни стал угрожать ей оружием [Екатерина II, 1989, с. 369–371]. Далее конфликт развивался по восходящей линии. Брокдорф советовал Петру попросить у императрицы Елизаветы денег для поправки своих голштинских дел. Екатерина выступила против. Ее не послушали. Но императрица денег так и не дала. Весной 1755 г. неожиданно для себя Екатерина обнаружила в Ораниенбауме голштинские войска. Оказалось, что Брокдорф дал понять Шуваловым, что, потворствуя этой «игрушкой», они сумеют обеспечить себе навсегда милости великого князя и будут уверены в полном одобрении с его стороны всего, что они предпримут в будущем». Семья фаворита смогла убедить императрицу в том, что никакой опасности эта вооруженная единица для нее не представляет, покуда А. И. Шувалов возглавляет Малый двор. По совету Брокдорфа Петр держал в секрете от жены перевозку этих войск из Киля. Наследник стал носить голштинский мундир, хотя являлся подполковником Преображенского полка и был шефом Кирасирского. Екатерина была в ужасе от того отвратительного впечатления, которое этот поступок должен был произвести на русское общество. Кроме того, дефицит бюджета требовал сократить число ненужных людей при великом князе, он же выписал целый отряд. Как и предвидела Екатерина, «неосторожное ребячество» ее мужа русские встретили в штыки. Но Петр был в восхищении от своего отряда, поселился в лагере и только и занимался военными учениями с голштинцами. Супруга же его демонстративно дистанцировалась от голштинского отряда. Она давала всем почувствовать, насколько

не одобряет странную затею мужа [Екатерина II, 1989, с. 371–374]. Зимой 1757 г. «Брокдорф своими интригами все больше входил в доверие великого князя; ему помогало в этом большое количество голштинских офицеров, которых Его Высочество оставил по его побуждению в течение зимы в Петербурге. Число тех, которые были постоянно с великим князем и около него, достигало по крайней мере двух десятков, не считая пары голштинских солдат, которые несли в его комнате службу рассыльных, камер-лакеев и употреблялись на все руки. В сущности, все служили шпионами Брокдорфа и компании» [Екатерина II, 1989, с. 392].

Екатерина ждала удобного момента, чтобы раскрыть глаза мужу относительно его окружения, рассказать об интригах, которые плелись вокруг него. Петр подал ей повод высказаться. Он сам пришел к ней и сообщил, что в Голштинии все жаловались на некоего Элендсгейма, который стоял во главе департамента юстиции. Жаловались, но никто не смел выступить обвинителем, потому что он сосредоточил в своих руках огромную власть. Брокдорф предлагал Петру арестовать Элендсгейма, и тогда все его преступления откроются, и обвинители появятся. Екатерина категорически выступила против, мотивируя это тем, что нельзя арестовывать человека, если против него не выдвинуто никаких обвинений. Если же великий князь послушается Брокдорфа, то его репутации будет нанесен непоправимый ущерб. Но убедить мужа ей не удалось. Он приказал жене переговорить с самим Брокдорфом и отвел жену в свою комнату. Здесь голштинский любимец Петра употребил все свое красноречие, но лишь повторил те же аргументы, которые уже огласил его патрон. Екатерина осталась непреклонна. Она еще раз заявила, что великого князя стараются склонить «на вопиющую несправедливость». Петр слушал, «мечтая о другом». Брокдорф же «с очерстившим от злобы сердцем, ума очень ограниченного и упрямый, как чурбан», не мешал ей говорить, «не имея других доводов». «Но когда я вышла, — писала Екатерина, — он сказал великому князю, что все, что я говорила, вытекало лишь из того принципа, какой мне внушало желание властвовать, что я не одобряю никаких мер, относительно которых не давала совета, что я ничего не понимаю в делах. Что женщины всегда хотят во все вмешиваться и что они портят все, чего касаются, что в особенности действия решительные им не под силу, наконец, он столько наговорил и наделал, что восторжествовал над моим мнением, а великий князь, убежденный им, велел оставить и подписал приказ, который был отправлен, чтобы арестовать Элендсгейма» [Екатерина II, 1989, с. 393–396]. Как только Екатерина узнала, что Брокдорф взял верх, и дело Элендсгейма осталось в его руках, благодаря чему он заставит «трепетать... всю Голштинию», великая княгиня приняла решение дать почувствовать любимцу мужа свое «негодование». Она заявила министру по голштинским делам Пехлину и его секретарю Цейсу, что с этой минуты смотрит на Брокдорфа, «как на чуму, от которой надо бежать и которую следует удалить от великого князя, если бы это было возможно», что она употребит все усилия, какие только будут в ее силах. «Действительно, — пишет мемуаристка, — я старалась показать при всяком случае, как публично, так и частным образом, презрение и отвращение, которые мне внушало поведение этого человека; не было тех насмешек, какими бы я его не осыпала, и я отнюдь ни от кого не скрывала, когда представлялся к тому случай, что я думаю на его счет» [Екатерина II, 1989, с. 397].

Описывая Брокдорфа, мемуаристка дала такую характеристику: «Относительно его внутренних качеств я сошлюсь на то, что уже сказала; но прибавлю еще, что он был так порочен, что он брал деньги со всех, кто хотел ему давать. И чтобы его августейший государь со временем ничего не нашел сказать по поводу его взяток, видя, что тот постоянно нуждается, он убедил его делать то же самое и доставлять ему таким образом столько денег, сколько мог, продавая голштинские ордена и титулы, кто хотел за них платить, или заставляя великого князя просить и хлопотать в разных присутственных местах империи и в Сенате о всевозможных делах, часто несправедливых, иногда даже тягостных для империи, как монополии и другие привилегии, которые никогда не прошли бы иначе, потому что они противоречили законам Петра I. Сверх того Брокдорф вовлекал великого князя более, чем когда либо, в пьянство и в кутежи, окружив его сбродом авантюристов и людей, добытых из кордегардии и из кабаков, как в Германии, так и из Петербурга, людей без стыда и совести, которые только и делали, что ели, пили, курили и болтали грубый вздор» [Екатерина II, 1989, с. 397]. Весной и летом 1757 г. число голштинских войск и авантюристов в Ораниенбауме еще более увеличилось. Великий князь устраивал в лагере большие ужины. На них он допускал «не только певиц и танцовщиц своей оперы, но множество мещанок весьма дурного общества, которых ему привозили из Петербурга...» [Екатерина II, 1989, с. 405–406]. Екатерина воздерживалась от того, чтобы принимать участие в этих вульгарных увеселениях, которые являлись непосредственным следствием интриг Брокдорфа. Помимо прочего, Брокдорф выступал в роли сводника. Р. И. Воронцов был в натянутых отношениях с великим князем. Однажды он похвастался тем, что, если пожелает, то может положить конец ненависти, которую Петр к нему питал. Более того, он способен обратить эту ненависть в милость. Для этого «ему стоит только дать обед Брокдорфу, напоить его английским пивом и при уходе положить ему в карман шесть бутылок для Его Императорского Высочества и что тогда он и его младшая дочь станут первыми матадорами милости у великого князя» [Екатерина II, 1989, с. 404].

Видя, что Брокдорф «более, чем когда-либо» укрепился в милости Петра Федоровича, Екатерина решила пожаловаться на голштинца А. И. Шувалову и сказать ему, что считает этого выскочку «одним из самых опасных существ, каких только можно приставить к молодому принцу, наследнику великой империи». Она сказала об этом А. И. Шувалову и попросила его предупредить императрицу, дабы она приняла свои меры. Через некоторое время Шувалов сообщил Екатерине, что Елизавета сама будет с ней говорить. Вскоре после этого Петр Федорович вошел в комнату великой княгини, а его секретарь Цейс бежал за ним с бумагой в руке. «Великий князь, — вспоминала мемуаристка, — сказал мне: “Просмотрите на этого черта: я слишком много выпил вчера и сегодня еще голова идет у меня кругом, а он вот принес мне целый лист бумаги. И это еще только список дел, которые он хочет, чтобы я кончил. Он преследует меня даже в вашей комнате”. Цейс мне сказал: “Вот, что я держу тут, зависит только от простого “да” или “нет”, и дела-то всего на четверть часа”. Я сказала: “Ну, посмотрим, может быть, вы с этим скорее справитесь, нежели думаете”. Цейс принялся читать, и по мере того, как он читал, я говорила: “да” или “нет”. Это понравилось великому князю, а Цейс ему сказал: “Вот, Ваше Высочество, если бы вы

согласились два раза в неделю так делать, то ваши дела не останавливались. Это все пустяки, но надо дать им ход, и великая княгиня покончила с этим шестью “да” и приблизительно столькими же “нет”. С этого времени Его Императорское Высочество придумал посылать ко мне Цейса каждый раз, как тому нужно было спрашивать “да” или “нет”. Через несколько времени я сказала ему, чтобы он дал мне подписанный приказ о том, что я могу решать и чего не могут решать без его приказа, что он и сделал. Только Пехлин, Цейс, великий князь и я знали об этом распоряжении, от которого Пехлин и Цейс были в восторге: когда надо было подписывать, великий князь подписывал то, что я постановила» [Екатерина II, 1989, с. 398–399]. Однако дело Элендсгейма все-таки осталось в руках Брокдорфа. Его главная цель состояла в том, чтобы удалить от дел своего соперника и тем показать свое влияние на великого князя.

Долгожданный разговор с императрицей о голштинце состоялся лишь в начале сентября 1757 г. в Летнем дворце в Петербурге. Разговор был обставлен особой секретностью. Он имел место в комнате жены А. И. Шувалова, куда пришла Елизавета и куда была тайно приглашена Екатерина. Императрица спросила невестку, что она от нее хочет. Екатерина рассказала ей историю Элендсгейма. «...Она, казалось слушала меня очень холодно, — вспоминала Екатерина, — потом стала расспрашивать у меня подробности о частной жизни великого князя, об его приближенных. Я ей сказала вполне правдиво все, что я об этом знала, и когда сообщила ей о голштинских делах некоторые подробности, показавшие ей, что я их достаточно знаю, она мне сказала: “Вы, кажется, хорошо осведомлены об этой стране”. Я возразила ей простодушно, что это было нетрудно, так как великий князь приказал мне ознакомиться с нею. Я видела по лицу императрицы, что это признание произвело неприятное впечатление на нее, и вообще она показалась очень странно сдержанной во время всего этого разговора, в котором она заставляла меня говорить и для этого меня расспрашивала, а сама не говорила почти ни слова, так что эта беседа показалась мне скорее своего рода допросом с ее стороны, чем конфиденциальным разговором. Наконец, она меня отпустила так же холодно, как и встретила», — Екатерина осталась очень недовольна этой аудиенцией. Шувалов посоветовал ей держать ее в большом секрете. Она ему обещала. Ведь ей нечем было похвастаться [Екатерина II, 1989, с. 408–409]. Екатерина приписала холодность Елизаветы той антипатии, которую Шуваловы ей внушили. В апреле 1758 г. Елизавета открыла племяннику, что его жена жаловалась на Брокдорфа. Реплика императрицы произвела эффект разорвавшейся бомбы. «Это должно было показаться великому князю, — писала Екатерина, — форменной изменой с моей стороны; он не знал ни слова о моем разговоре с императрицей в Летнем дворце и увидел, что его Брокдорф, который стал ему так мил и дорог, обвинен в глазах императрицы, да еще мною: это значило больше, чем когда-либо, нас поссорить и, может быть, сделать нас непримиримыми и лишить меня навсегда доверия великого князя» [Екатерина II, 1989, с. 452].

Итак, в «Записках» Брокдорф представлен как некое орудие, с помощью которого Шуваловы старались подорвать влияние великой княгини и приобрести расположение ее мужа. Брокдорф же явился камнем преткновения в отношениях супругов. Он спровоцировал семейный конфликт. В результате его муж и жена стали непримиримы. Казалось бы, вполне достаточный повод для того, чтобы ненавидеть

виновника разлада и впоследствии отомстить ему. Но то, что описано в «Записках», — это лишь вершина айсберга. Истинные причины конфликта остались скрытыми.

В сочинении «Анекдот», написанном Екатериной еще за 30 лет до того, как она дала волю своему негодованию в «Записках», конфликт представлен по-иному. Здесь говорится, что Екатерина стала заниматься голштинскими делами еще до того, как Петр дал ей письменные полномочия. Екатерина рассказывает о том, что вначале не хотела отказаться, но была буквально вынуждена согласиться, чтобы не огорчать мужа: «...Все ... местные дела, — писала она в «Анекдоте», — должны были, по распоряжению великого князя, проходить через мои руки» [Екатерина II, 1989, с. 635–636].

Брокдорф прибыл в Россию под чужим именем в 1754 г. Екатерина составила несколько проектов для улучшения финансового положения Голштинии. Они касались содержания голштинского войска, но Брокдорф сумел отговорить от них Петра, пугая его тем, что он может потерять и свое войско, и самую Голштинию. Первоначально голштинец не являлся клеветом Шуваловых и не был использован ими для противостояния Екатерине. Он выступал против Шуваловых как ее союзник. Брокдорф, пишет Екатерина, «часто говорил мне об опасных проектах, которые общество приписывало Шуваловым». Он сообщил о них великому князю и сумел вызвать его беспокойство. Брокдорф предложил Екатерине «принять меры, которые он подробно излагал против этих проектов». Но она на это не пошла. Он увидел, что Екатерина не собирается следовать его мнениям. Она вообще ищет способ избавиться от него и выслать его в Голштинию. Тогда он перекинулся на сторону Шуваловых. Из обвинителя сделался защитником их. Екатерина изложила письменно все, что Брокдорф сделал противоречивого, его поступки за и против Шуваловых, его обвинения. Свою записку она передала мужу. По-видимому, это произошло в 1756 г. или в начале 1757 г. Но Брокдорф склонил Петра пересказать ее содержание А. И. Шувалову. Тот счел Екатерину автором всего, что было сделано против шуваловского клана [Екатерина II, 1989, с. 635–636].

Конечно, «Анекдот» — столь же тенденциозное сочинение, как и «Записки». Но очевидно, конфликт Екатерины и Брокдорфа произошел вовсе не из-за того, что клан фаворита решил использовать голштинца в противостоянии с великой княгиней. Истоки столкновения с Брокдорфом в ином. Анекдотичный случай о том, как Петр как бы совершенно случайно после изрядной выпивки согласился на предложение Пехлина поручить их ведение своей жене, мемуаристка отнесла к 1757 г. Из этого следует, что и столкновение по делу Элендсгейма и все предыдущие конфликты с Брокдорфом происходили в то время, когда Екатерина еще не управляла Голштинией. Она лишь ревностно оберегала репутацию мужа. Между тем, тайный указ, на основании которого жена Петра получила в свое ведение голштинских дел, был дан еще в марте 1755 г. [Щепкин, 1901, с. 10]. И все описанные в ее «Записках» столкновения с любимцем Петра происходили, когда она уже полтора года управляла голштинским владением ее мужа. Так же дело представлено и в «Анекдоте».

Очевидно, властная женщина получила в свои руки какую-то часть верховной власти, пусть и на весьма ограниченной территории, еще до появления Брокдорфа. Когда разыгралось дело Элендсгейма, она «уже имела в руках все малые и большие дела своего мужа» [Екатерина II, 1989, с. 635–636]. И вот на ее пути помимо ее воли

появилось неожиданное препятствие в лице любимца великого князя. Разве она могла смириться с тем, что на сцене появился «один из первых тузов Голштинии». Понятно, великая княгиня не могла терпеть рядом с собой соперника, который, по ее собственному выражению, «захотел взять верх» над ней.

Но это только одна сторона дела. Но была и другая, не менее важная. Интересы Екатерины и Брокдорфа столкнулись в вопросе об обмене Голштинии на Ольденбург и Дальменгорст [Екатерина II, 1989, с. 655–656]. Великая княгиня была сторонницей обмена. Брокдорф выступал категорически против. Петр же разделял позицию своего фаворита. Он не хотел терять ни свою маленькую страну, ни ее суверенные войска. Этот конфликт, имевший важнейшие последствия, не упомянут ни в «Записках», ни в «Анекдоте». Правда, Екатерина в начале второй части «Записок» сообщила, что в 1751 г. Петр чуть не в приказном порядке уполномочил ее тайно вести переговоры об обмене. Уступая воле мужа, она была вынуждена согласиться. Екатерина тогда выступила против обмена [Екатерина II, 1989, с. 317–318].

Но более же этот вопрос не затрагивается в мемуарах. Причины умолчания мемуаристки понятны. Екатерина тайно использовала переговоры об обмене для получения денежных средств от иностранных государств, прежде всего от Дании. А полученные деньги тратила на создание себе имиджа щедрой женщины для приобретения себе сторонников в различных слоях общества. Погрязнув в долгах, она устраивала грандиозные праздники в Ораниенбауме с беспроигрышными лотереями, богато одаривая всех присутствовавших [Щепкин, 1901, с. 10–12; Екатерина II, 1989, с. 416–418]. Она ожидала скорой смерти тяжело больной Елизаветы и собиралась царствовать номинально вместе с мужем, но фактически без него. Союзником ее был в прошлом ее «смертельный враг» канцлер А. П. Бестужев. Она помирилась с ним «для пользы дела» [Екатерина II, 1989, с. 636]. А также и Уильямс, заинтересованный в обмене. Посол тайно предоставлял ей займы [Щепкин, 1901, с. 53]. Едва ли случаен тот факт, что впервые филиппики против Брокдорфа появляются в переписке с Уильямсом именно в то время, когда Дания предложила Екатерине денежное вспомоществование, а ее матери пожизненную пенсию за помощь в осуществление обмена [Екатерина II, 1909, с. 319–329, 336–337]. Но в начале марта 1757 г. Екатерина потребовала от Остена, кроме обоих графств и уплаты всех долгов, еще 1,5 млн талеров наличными. Датский король Фредерик V был готов дать великой княгине только полмиллиона и заплатить долги. Екатерине этого было мало. Великая княгиня осуществляла свою «избирательную компанию» при больной императрице, которая, как считала Екатерина, и не только она, уже одной ногой стояла в могиле. Примерно в это же время Бестужев составлял манифест на случай смерти Елизаветы. Этот документ, предусмотрительно уничтоженный канцлером незадолго до ареста, объявлял после смерти Елизаветы Петровны великого князя «императором по праву», но при этом провозглашал Екатерину «участницей в правлении». В одном из вариантов своих мемуаров Екатерина утверждала, что Бестужев составил проект (а она собственноручно исправила этот документ и хранила у себя до ареста канцлера), чтобы доставить «мне в случае кончины императрицы... участие в престолонаследии и в правлении с моим супругом» [Екатерина II, 1989, с. 433, 501].

Таким образом, вопрос об обмене Голштинии, секретным участником обсуждения которого являлась Екатерина, был использован честолюбивой великой княгиней как источник дохода. Получаемые таким образом средства она употребляла для подкупа общественного мнения: создания исключительно благоприятного для нее образа. Но обмен Голштинии влек за собой потерю патронимии ее мужа, утрату денежных и военных ресурсов. Это означало, что из-под «императора по праву» бестужевского манифеста старались выдернуть стул, лишая его даже призрачной возможности использовать силы этой страны в борьбе против всевластия «участницы в правлении». Другими словами, Екатерина, собиравшаяся управлять Россией вместе с мужем, могла стремиться делать это и без него, как она фактически и пыталась делать это в Голштинии. Но как бы далеко не распространялись честолюбивые планы Екатерины, на ее дороге стоял Брокдорф, почти с собачьей преданностью охранявший наследственные права своего суверена. Выступая против обмена, Брокдорф был костью в горле Екатерины. Поэтому она стремилась любым способом от него избавиться. Петру было хорошо известно, почему его жена так настойчиво пыталась удалить его любимца. Согласно донесению датского дипломата Остена за апрель–май 1757 г., «великий князь, по словам канцлера, сказал в присутствии Штамбе [по рекомендации великой княгини он заменил умершего Пехлина — М. С.] и Екатерины: “Я знаю, почему хотят удалить этого честного малого Брокдорфа; меня хотят лишить моих владений и моих подданных, но я знаю эти интриги и сумею покарать их”. Бестужев уверял, будто бы эти слова метили в Штамбе и побудили великую княгиню просить об удалении Брокдорфа ввиду того, что он поддерживает ее супруга в отношении к вину и к союзу с прусским королем» [Щепкин, 1901, с. 13]. Екатерина возлагала большие надежды на аудиенцию Елизаветы после разговора с Шуваловым. Она была уверена в успехе. 2 июля 1757 г. великая княгиня писала Уильямсу: «Что касается... Брокдорфа... мне удалось поколебать императрицу и она, не только не обнаружив холодности вследствие моих разговоров, никогда не была так хороша ко мне, и, несмотря на поддержку господ Шуваловых,... я добьюсь того, что прогоню Брокдорфа, который вследствие моих усилий, уже очень упал во мнении великого князя, по крайней мере со стороны его мнимых министерских талантов. Я советуюсь во всем с канцлером» [Екатерина II, 1909, с. 341]. Но Екатерина ошиблась. Согласно донесениям Остена, значение Брокдорфа в конце 1757 г. существенно возросло. Ввиду ухудшавшегося здоровья императрицы все уже заискивали перед великим князем и его голштинским фаворитом. В значительной мере Брокдорфу удалось подорвать значение канцлера. А Петр стал отзываться о Бестужеве с нескрываемым презрением [Щепкин, 1901, с. 22]. Чаша терпения великого князя переполнилась, когда в феврале 1758 г. польский король по требованию Бестужева прислал Штамбе Орден Белого орла. Петр не утвердил это пожалование [Щепкин, 1901, с. 23]. 10 февраля 1758 г. великий князь праздновал свое тридцатилетие. Во время бала Петр сказал австрийскому послу Эстергази, что варшавский двор хотел угодить Екатерине, потому что Штамбе — ее креатура, но он покажет, что не позволяет женщинам управлять собой. После этого Петр более часа беседовал с Елизаветой Петровной, а Шувалов старался, чтобы никто не подслушивал. Датский дипломат узнал, что императрица осталась очень довольной тем, что она услышала от племянника и похвалила

Брокдорфа [Щепкин, 1901, с. 14]. На следующий день голштинiec был сделан обер-камергером великого князя и получил жалование в семь тысяч рублей. Во время разговора на балу великий князь просил прощения у императрицы за свое поведение и во всем винил Бестужева, он же советовал ему противиться воле государыни. Это предопределило падение канцлера. Остен писал: никому не удалось бы свалить канцлера, если бы против него не выступил великий князь, постоянно подстрекаемый Брокдорфом [Щепкин, 1901, с. 14]. Когда Бестужев был арестован, Брокдорф «клятвенно уверял», что Екатерина «замышляла с ним заговор на жизнь великого князя». Выходя от Петра Федоровича, Брокдорф сказал: «Я только что раздавил голову змее» [Екатерина II, 1986, с. 636]. Штабке не был арестован только из уважения к великому князю. Его немедленно выслали в Голштинию. С его отъездом, кончилось руководство Екатерины голштинскими делами. Хотя внешне супруги примирились, но в действительности после этой истории разошлись навсегда. Брокдорф оставался фаворитом Петра до и после его воцарения. Он лишился доверия лишь накануне переворота 1762 г. [Бильбасов, 1900b, с. 660]. Голштиния была обменена Екатериной в 1767 г. от имени ее несовершеннолетнего сына Павла, опекушкой которого она стала после убийства мужа. Павел, достигший совершеннолетия, в 1773 г. утвердил обмен, произведенный его августейшей матерью [Сафонов, 2002, с. 33–35]. Екатерину еще при жизни стали называть «Великой». Брокдорф же остался в истории таким, каким его изобразила великая — «Бабой-птицей».

Информация о статье

Автор: Сафонов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: m.safonov@list.ru

Заголовок: Христиан Август Брокдорф vs Екатерина II

Аннотация: В статье анализируется конфликт великой княгини Екатерины Алексеевны и генерал-майора голштинской службы, обер-камергера наследника российского престола Петра Федоровича Христиана Августа Брокдорфа. Автор приходит к выводу, что жена герцога Гольштейн-Готторпского, которой Петр тайно поручил управление делами герцогства, встретила в Брокдорфе человека, противостоявшего ее честолюбивым амбициям, выразившимися в стремлении к личной власти. Камнем преткновения явился вопрос об обмене Голштинии на герцогства Ольденбургское и Дальменгорсткое. Когда императрица Елизавета была смертельно больна, Екатерина вела тайные переговоры с Данией об обмене и получала от датских дипломатов деньги, которые она использовала для роста своей популярности в русском обществе. Великая княгиня стремилась лишиться своего мужа территории и суверенных военных сил. В ее стремлении к единоличной власти ей противостоял фаворит Петра Брокдорф. Борьба Екатерины с Брокдорфом спровоцировала семейный конфликт, который так и не был исчерпан при жизни супругов.

Ключевые слова: Христиан Август Брокдорф, великая княгиня Екатерина Алексеевна, великий князь Петр Федорович, Шуваловы, А. П. Бестужев, мемуары Екатерины II

Библиографический список

- Бильбасов В. А. (1900a). *История Екатерины Второй*. Т. 1. Берлин: Издание Фридриха Готтгейнера. 659 с.
- Бильбасов В. А. (1900b). *История Екатерины Второй*. Т. 2. Берлин: Издание Фридриха Готтгейнера. 830 с.
- Екатерина II. (1909). *Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Уильямса. 1756 и 1757 гг.* Москва: Императорское Общество истории и древностей Российских при Московском университете. 361 с.
- Екатерина II. (1989). *Записки императрицы Екатерины Второй*. Москва: Орбита. 748 с.
- Сафонов М. М. (2002). *Завещание Екатерины II*. Санкт-Петербург: Лита. 312 с.

Чечулин Н. Д. (1924). *Екатерина II в борьбе за престол. По новым материалам*. Ленинград: Время. 133 с.

Щепкин Е. Л. (1901). *Падение канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (по новым данным Копенгагенского и Венского архивов)*. Одесса: «Экономическая» типография и литография. 54 с.

Information about the article

Author: Mikhail M. Safonov – Candidate of History, senior researcher of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; e-mail: m.safonov@list.ru

Title: Christian August Brockdorf vs Catherine II

Abstract: The article analyzes the conflict between Grand Duchess Catherine Alekseevna and major General of the Holstein service, chief Chamberlain of the heir to the Russian throne Peter Fedorovich Christian August Brockdorf. The author concludes that the wife of the Duke of Holstein-Gotop, to whom Peter secretly entrusted the management of the Affairs of the Duchy, met at Brockdorf a man who opposed her ambitious ambitions, expressed in the desire for personal power. The stumbling block was the question of the exchange of Holstein for Oldenburg and Delmenhorst. When Empress Elizabeth was terminally ill, Catherine negotiated a secret exchange with Denmark and received money from Danish diplomats, which she used to increase her popularity in Russian society. The Grand Duchess sought to deprive her husband of territory and sovereign military forces. In her quest for sole power, she was opposed by Peter's favorite Brockdorf. Catherine's struggle with Brockdorf provoked a family conflict, which was never exhausted during the life of the spouses.

Keywords: Christian August Brockdorf, Grand Duchess Catherine Alexeyevna, Grand Duke Peter Fedorovich, Shuvalov, A. P. Bestuzhev, memoirs of Catherine II

References

Bill'basov V. A. (1900a). *Istoriya Ekateriny Vtoroj [The History of Catherine the Great]*. Vol. 1. Berlin: Izdanie Fridriha Gottgejnera Publ. 659 p. (In Russian).

Bill'basov V. A. (1900b). *Istoriya Ekateriny Vtoroj [The History of Catherine the Great]*. Vol. 2. Berlin: Izdanie Fridriha Gottgejnera Publ. 830 p. (In Russian).

Chechulin N. D. (1924). *Екатерина II в бор'бе за престол. По новым материалам [Catherine II in the struggle for the throne. Based on new materials]*. Ленинград: Vremya Publ. 133 p. (In Russian).

Ekaterina II. (1909). *Perepiska velikoj knyagini Ekateriny Alekseevny i anglijskogo posla sera Charl'za Uil'yamsa. 1756- i 1757 gg. [Correspondence between Grand Duchess Ekaterina Alekseevna and the English Ambassador Sir Charles Williams. 1756 and 1757]*. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University Publ. 361 p. (In Russian).

Ekaterina II. (1989). *Zapiski imperatrisy Ekateriny Vtoroj [Memoirs of Empress Catherine II]*. Moskva: Orbita Publ. 748 p. (In Russian).

Safonov M. M. (2002). *Zaveshchanie Ekateriny II [The Will of Catherine II]*. Saint Petersburg: Lita Publ. 312 p. (In Russian).

Shchepkin E. L. (1901). *Padenie kanclera A. P. Bestuzheva-Ryumina (po novym dannym Kopenhagenskogo i Venskogo arhivov) [The fall of Chancellor A. P. Bestuzhev-Ryumin (according to new data from the Copenhagen and Vienna Archives)]*. Odessa: "Economic" typography and lithography Publ. 54 p. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Сафонов М. М. Христиан Август Брокдорф vs Екатерина II. *Caurus*. 2024. Т. 3. № 4. С. 65–74. DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(4)-65-74

For citation:

Safonov M. M. Christian August Brockdorf vs Catherine II. *Caurus*. 2024. Vol. 3(4). P. 65–74. (in Russian) DOI: 10.34680/Caurus-2024-3(4)-65-74